

РУССКАЯ ЗАРЯДКА

Имя Людмилы Оболенской-Флам (1933, Латвия) хорошо знакомо исследователям, сотрудничающим с Домом русского зарубежья им. А.Солженицына. Во многом благодаря ее энергии, профессионализму и высокой репутации фонды этого уникального учреждения регулярно пополняются редкими фолиантами из США. Немало наших соотечественников могло быть заочно знакомо с Оболенской-Флам по ее деятельности на радио «Голос Америки», где она проработала 40 лет.

В 1944 году вместе с родителями оказалась в Германии. После Второй мировой войны училась в русской гимназии в Мюнхене, вступила в Народно-трудовой союз. Жила в Касабланке, Лондоне, Париже. С 1954 года — в США. Исследователи русского зарубежья с уважением отзываются о публицистических работах Людмилы Оболенской-Флам — биографической книге о деятельнице французского Сопротивления Вере Оболенской «Вики: княгиня Вера Оболенская» (1996, переиздание 2005 и 2010); уникальном издании, посвященном преимущественно судьбам «ди-пейцев» «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции» (2006), многочисленных статьях в авторитетных эмигрантских изданиях «Русская мысль» (Париж) и «Русская жизнь» (Сан-Франциско), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Посев» (Москва).

О жизни и деятельности, многолетней работе на «Голосе Америке» и буднях комитета «Книги для России» Людмилу Оболенскую-Флам расспросила Юлия Горячева.

— Людмила Сергеевна, успешно возглавляемому Вами комитету «Книги для России» исполняется пятнадцать лет. Какова история его создания?

— Вскоре после основания в Москве Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (теперь Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) мне было предложено заняться сбором эмигрантских публикаций на Восточном побережье США для комплектования библиотеки. В Калифорнии это уже начала делать моя бывшая соученица по русской гимназии в Мюнхене Ольга Раевская-Хьюз, американский профессор русской словесности. Я тут же согласилась. Такого рода деятельность совпадала с моими чаяниями по двум причинам: после смерти в 1977 году моего первого мужа, радиожурналиста Валериана Александровича Оболенского, начавшего совсем молодым работать на «Би-Би-Си», потом руководившего отделом последних известий «Свободы» (тогда «Освобождение») в Мюнхене, а затем возглавившего программный отдел «Свободы» в Нью-Йорке, осталась богатая библиотека русских изданий, недоступных читателям в СССР. В период «гласности» мне хотелось, в память мужа, передать все собрание в какую-нибудь библиотеку в России. Но этого не случилось: мой дом сгорел, а с ним и вся библиотека. Вторым обстоятельством было то, что я почти всю свою взрослую жизнь проработала в радиовещании, направленном на Советский Союз. Выйдя на пенсию, я ощутила недостаток в таком, пусть воздушном общении с россиянами. Сбор книг для России в какой-то мере восполнил образовавшуюся пустоту. А для того, чтобы эту деятельность расширить, мы и решили создать в США комитет, имеющий юридические права гуманитарной организации. В первую очередь я привлекла к этому делу недавно скончавшегося доктора исторических наук Никиту Валериановича Моравского, затем — Галину Сергеевну Туник-Роснянскую, имеющую докторат по лингвистике и опыт дипломатического переводчика. Так возникло наше вашингтонское ядро. К нему примкнули Наталия Борисовна Монтвиллова, в прошлом долгодетный сотрудник Библиотеки Конгресса США и Елизавета Николаевна Борисова, которая, как и

Моравский, была моей коллегой по «Голосу Америки». В Нью-Йорке наш комитет представляет доктор медицины Никита Сергеевич Трегубов, а на Западном побережье США, помимо Раевской-Хьюз, активно работают Ксения Ивановна Забелина и Аста Александровна Аристова. Обе, как и Раевская-Хьюз, хорошо известны среди калифорнийской русской общности. Все мы, разумеется, работаем на добровольных началах. Должна также упомянуть неоценимые услуги, которые оказывает большой друг нашего комитета художник Николай Решетняк, живущий в штате Нью-Йорк. Человек редкой души, он всегда готов помочь с доставкой в Россию книг, архивов и произведений искусства.

За эти 15 лет мы отправили в Россию девять морских контейнеров с книгами. А если учесть, что при нашем содействии в Россию из Калифорнии прибыла библиотека покойного митрополита Сан-Францисского Иоанна (Шаховского), то контейнеров было все десять. Сейчас мы приступили к комплектованию еще одного контейнера. Трудно подсчитать точное количество доставленных книг. Думаю, порядка 100 тысяч, если учитывать и периодику. Помимо непосредственно изданий, мы передали в Дом зарубежья большое количество всякого рода воспоминаний, рукописей, фотографий, живописи и музейных предметов, так или иначе связанных с историей российской диаспоры.

— *Расскажите, пожалуйста, об издательских проектах, жизнь которым дал Ваш комитет.*

— Одно тянется за другим, круги расходятся... Как-то я привезла в Дом русского зарубежья неизданную рукопись Виктора Николаевича Челищева (1870–1952), переданную мне его внуком Виктором Викторовичем. Дед его, по образованию юрист, был в России заметным общественно-политическим деятелем, принадлежавшим к партии конституционных демократов. Свою общественную и публицистическую деятельность продолжал в эмиграции, в частности, как член правления Союза русских писателей и журналистов. В молодости Виктор Николаевич был страстным охотником, и этому посвящена его рукопись. Про нее провели российские любители охотничьей литературы. В результате в издательстве «Эра» вышла книга, которая так и называется — «Охотники: Хроника». А вслед за этим, в издательстве «Золотая аллея» появилось полное собрание его сочинений (Калуга, 2009).

Остальные книги, увидевшие свет при содействии нашего комитета, вышли в издательстве «Русский путь». Одной из первых была докторская диссертация ныне покойного юриста Д.А. Левицкого «Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко»; посмертно были переведены с английского воспоминания Елены Якобсон (1913–2002) «Пересекая границы: Революционная Россия — Китай — Америка». Она была замечательной женщиной, отзывчивой, энергичной. Ее учебник русского языка пользовался в США большим успехом и неоднократно переиздавался. Живя в Нью-Йорке, она открыла первую передачу «Голоса Америки» на русском языке, а переехав в Вашингтон, возглавила в университете им. Джорджа Вашингтона кафедру русского языка и литературы. Ко всему прочему, она многие годы состояла председателем вашингтонского отделения Литфонда, помогавшего русским писателям в изгнании. Я ее очень любила, и рада, что могла содействовать появлению ее книги на русском языке и написать к ней предисловие.

Моим другом был и автор книги «Остров Тубабао» (2000) Н.В. Моравский (1923–2012). В ней он делится воспоминаниями об эпопее дальневосточных русских беженцев, попавших на этот почти необитаемый филиппинский остров. Ему же принадлежит и сборник статей разных лет «Глазами русского американца» (2003). Сейчас в том же издательстве «Русский путь» лежит рукопись, посвященная его отцу — Валериану Ивановичу Моравскому, свидетелю и участнику событий на Дальнем Востоке в эпоху

Гражданской войны. Буквально за несколько дней до смерти Никита Валерианович попросил меня привести в порядок и отредактировать его рукопись, что я и постаралась сделать. А говоря о моих собственных книгах, вы уже назвали «Вики» — про участницу французского Сопротивления, которая погибла страшной смертью в берлинской тюрьме: была казнена на гильотине. Эта небольшая книжка основана преимущественно на семейных архивах и воспоминаниях людей, лично знавших Вики. Вторая упомянутая книга — сборник «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции». Он посвящен моим современникам в разных странах рассеяния. Жизненный путь каждого из них отражает сложную историю XX века.

Наконец, в том же «Русском пути» вышла книга воспоминаний Сергея Туник под названием «Белогвардеец». Она была подготовлена к публикации его дочерью, членом нашего Комитета, Г.С. Туник-Роснянской. Кроме того, комитет содействовал изданию в России книги Юрия Елагина (не путать с поэтом Иваном Елагиным!) «Укрощение искусств». Елагин, впоследствии оказавшийся за рубежом, был свидетелем того, как Сталин удушил в 1930-е годы советский театр, кино и музыку. Книга его, впервые вышедшая в издательстве им. Чехова в 1950-х годах в Нью-Йорке, имела за рубежом большой успех, как и его вторая книга «Темный гений», посвященная Всеволоду Мейерхольду.

— Вы — внучка знаменитого литератора и правоведа Петра Якоби, родились в эмиграции. Расскажите, пожалуйста, как Ваша семья оказалась в Латвии?

— Я бы не сказала, что мой дедушка Петр Николаевич был «знаменитым». Знаменитым можно назвать его деда — физика-изобретателя Бориса Якоби. Мой дедушка был известен главным образом как создатель и редактор выходившего в Риге журнала «Закон и суд», в котором печатались оказавшиеся в изгнании видные русские юристы. Но с приходом к власти в начале 30-х годов прошлого столетия президента Ульманиса, не поощрявшего русские начинания, журнал был закрыт, к великому огорчению деда, противника любых проявлений узкого национализма и ксенофобии.

Как семья оказалась в эмиграции? Это был прямой результат октябрьского переворота, когда большевики захватили власть и начали расправляться с негодными им элементами. Дедушка не скрывал своего отношения к большевикам. Он, как юрист, веривший в силу правосудия, не мог мириться с террором и самоуправством, и открыто заявил об этом в одном из своих опубликованных стихотворений. Жизнь его оказалась под угрозой. И не только из-за публичных высказываний, но и в силу социального происхождения — его покойный отец в царское время занимал непростительную, с точки зрения большевиков, должность сенатора! Вот почему вся семья (семь человек детей) переехала в Латвию. Дедушка там занялся разработкой латвийского уголовного права, по российскому образцу, и также принимал активное участие в жизни русских общественных организаций. Это ему вменили в вину, когда Гитлер и Сталин поделили сферы влияния, и Советы захватили Эстонию, Литву и Латвию. Летом 1941 года он одним из первых был арестован органами НКВД в Риге, судим и приговорен к исправительно-трудовым лагерям в районе Котласа, где и скончался, не выдержав бесчеловечных условий.

— Людмила Сергеевна, рисунок Вашей жизни в общих чертах совпадает с путем поколения, описанного в Вашей замечательной книге «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции»: рождение за границей в семье эмигрантов из России; война, послевоенная русская гимназия в Мюнхене, статус перемещенного лица и отъезд в Марокко, работа в Америке. Что Вам больше всего запомнилось из долгого пути?

— Я, как и многие мои друзья, с любовью вспоминаю послевоенный период, проведенный в Мюнхене, где мы учились в русской гимназии и принимали живое участие

в русской скаутской организации (ОРЮР), а некоторые, как и я, движимые патриотическими побуждениями, вошли в Народно-трудовой союз (НТС). Интересным был и последовавший за этим четырехлетний марокканский период (1948–1952), куда наша семья прилетела в декабре месяце. Вчера — снег в полуголодной разрушенной Германии, сегодня — жаркое солнце, пальмы, экзотика! В лавках — какие угодно продукты; апельсины дешевле картошки, в кондитерских фантастические пирожные, французенки кажутся необычайно элегантными, а арабки в их белых одеяниях, скрывающих все, кроме глаз, — необычайно загадочными. Мне удалось немало поехать по стране, побывать в старинных мавританских городах Фес и Марракеш, на развалинах римского города Волубилис, в горах Атласа и оазисах преддверья Сахары... Помимо учебы и работы, я занималась там с русской молодежью, возглавила дружину ОРЮР, проводила с ней летние лагеря. Но меня тянуло назад в Европу. Лето 1952 года я провела в Париже и Лондоне, а потом поехала навестить друзей в Германию. Там я случайно познакомилась с шефом русской редакции европейского отделения «Голоса Америки». Он пригласил меня зайти в студию на пробу голоса. Пробу одобрили. Так началось мое долголетнее сотрудничество с «Голосом Америки». Забавно, что это мне напрогнозили в новогоднюю ночь в Марокко: 1950 год мы встречали небольшой компанией в Касабланке в «русском» поселке Бурназеле, где в деревянных бараках жили многие бывшие «ди-пи». Кому-то пришло в голову пойти подслушать под окнами их разговоры — что первое услышим, то сбудется. И вот я услышала: «...она говорила по радио...»! Не помню, что слышали другие, но я таки действительно много лет проговорила на радио. Работа была интересная и, по моему глубокому убеждению, нужная — пробивать объективной информацией так называемый «железный занавес», опущенный над шестой частью земной суши. Ведь что могло быть более естественным, чем та изоляция, которую советское правительство создало для своего народа? Должна заметить, что и миссия радиостанции «Свобода» в этом плане мне казалась полезной.

— *Расскажите, пожалуйста, подробнее о своем сотрудничестве с «Голосом Америки». Ведь Вы успешно прошли путь от диктора до начальника отдела радиостанции...*

— Надо сказать, что мой шеф, Чарльз Львович Маламут, женатый, между прочим, первым браком на дочери Джека Лондона, одно время был корреспондентом «Ассошиэтед Пресс» в Москве. Он знал Валентина Катаева, перевел одну из его книг, дружил с Ильфом и Петровым, перевел на английский «Золотого теленка», а когда Ильф и Петров собирали материал для «Одноэтажной Америки», был их сопровождающим и описан ими, если память не изменяет, как мистер Смит. Так что он хорошо знал Россию и прекрасно понимал сущность советского правительства. Как человек, он был исключительно доброжелательный и всячески поощрял инициативу молодых. Он-то и толкнул меня на путь журналистики. Стал давать задания, с которыми я, по неопытности, не всегда справлялась. Однажды он за полчаса до передачи изорвал мой скрипт, и чуть было не запустил в меня чернильницей. А потом извинялся и терпеливо склеивал скрипт, который с его поправками все же вышел в эфир.

Другим моим ментором был Александр Степанович Казанцев, автор книги «Третья сила» о власовском движении и роли НТС во время Второй мировой войны. Ему я очень многим обязана. Он отучал от всякого проявления сентиментальности, требовал точности. Помню, на его стол попала кем-то небрежно написанная статья. «Степаныч» прочел и язвительно заметил: «Написано левой ногой, не сняв ботинка». Статья полетела в корзину. Я часто вспоминала его уроки, когда мы переселились в Америку, и я работала в качестве нью-йоркского заштатного корреспондента «Голоса Америки». Большинство моих материалов касались богатой культурной жизни Нью-Йорка. Я проводила интервью с разными деятелями, в том числе с выдающимися русскими, как например, композитор

Александр Черепнин, художник Илья Болотовский, скульптор Глеб Дерюжинский... Я принимала также участие в англоязычной программе «Нью-Йорк, Нью-Йорк», для которой мы приглашали в студию и рядовых нью-йоркских жителей, и людей с большими именами. К примеру, всем известного джазового музыканта и композитора Дьюка Эллингтона.

Когда подросли мои дети, я поступила на штатную должность в Вашингтоне. Моим начальником был заведующий культурным отделом русской службы «Голоса Америки», поэт и литературовед Владимир Федорович Мансветов. Редкий эрудит, обладавший прекрасным вкусом, тонкий ценитель искусства, человек широких, подлинно демократических взглядов. К сожалению, не прошло и года, как Мансветов скоростно скончался от рака. Отдел тогда перешел в мои руки.

— *За что отвечали?*

— Примерно за три часа свежего материала в сутки. Хотя отдел назывался «культурным», сюда входили не только регулярные передачи по литературе (например «Книги и люди»), по искусству, музыке (несмотря на глушение), но также религиозная программа, передачи по экономике, науке, анализы американских обозревателей о положении в Советском Союзе... Словом, почти все то, что не было «ежеминутным» материалом, как последние известия или текущие политические дела — это было уделом нашего политического отдела, которым при мне заведовал Виктор Французов; его комментарии были широко известны русским слушателям в СССР.

В моем отделе уделялось много внимания молодежи. Молодежные передачи вели преимущественно молодые американские сотрудники, знавшие русский язык. В этом было наше отличие от программ «Свободы» и «Би-Би-Си». По уикендам мы передавали танцевальную программу и знали, что под эту музыку, действительно, отплясывала молодежь в отдельных районах страны, где глушение было не столь зловредным. Но даже в столице умудрялись ловить наши передачи, в том числе и джазовые программы. Имя джазового комментатора «Голоса Америки» Уиллиса Коновера обрело поистине мировую известность. На русский язык его беседы переводили в моем отделе.

— *Кто из знаменитых эмигрантов сотрудничал с Вашим отделом?*

— Среди штатных служащих особых знаменитостей не было. Даже Владимир Федорович Мансветов был известен как поэт сравнительно небольшому кругу людей. В Праге он принадлежал к группе «Скит поэтов», печатался в их малотиражных сборниках. А по приезде в Америку вообще перестал писать стихи. Зато среди внештатных участников наших передач были известные люди. Скажем, уже упомянутый мной архиепископ Православной Церкви в Америке Иоанн Сан-Францисский (в миру Шаховской). Он был очень образованным человеком, начитанным, писал стихи. Он годами присылал для нас свои записанные дома на магнитофон беседы на религиозные темы.

После того как Александр Солженицын поселился в Вермонте, он начитал для «Голоса Америки» часть своего «Красного колеса». Нам неоднократно давал интервью Ростропович, передавали мы беседы с Эрнстом Неизвестным. Очень интересным и содержательным человеком была адвокат Дина Каминская, для которой мы завели еженедельную рубрику об американском правосудии. А по теме прав человека мы проводили еженедельные беседы с Людмилой Алексеевой, одним из основателей Московской Хельсинкской группы. Когда на нашем горизонте появился писатель Василий Аксенов, я привлекла и его к сотрудничеству с «Голосом Америки». Он стал выступать с еженедельными беседами, участвовать в круглых столах и радио-мостах. Правда, сама я вскоре перешла на сугубо административную должность заведующей Среднеазиатским и

Закавказским отделом, отвечала за грузинскую, армянскую, азербайджанскую и узбекскую редакции. Это, по замыслу, должно было быть временным назначением, но продлилось около трех лет, после чего я вернулась к эфиру в должности старшего корреспондента.

— *Вы ведь довольно хорошо знали Василия Аксенова... Что его отличало от других?*

— Это был человек раскрепощенного мышления и большого мужества. Я с ним познакомилась во время первой командировки от «Голоса Америки» в страну моих предков зимой 1976 года. Меня уже тогда поразило, что он не боялся встречи с представителем «вражеских голосов», а наоборот, даже афишировал ее. Его талант не укладывался в прокрустово ложе «социалистического реализма», он очень смело отстаивал право писателя на свободу творчества. Даже выступил на Всесоюзном съезде писателей в поддержку призыва Солженицына отменить цензуру. Не удивительно, что ему пришлось покинуть страну.

— *Считаете ли Вы распад Советского Союза своей победой?*

— Мы не боролись за «распад Советского Союза», и вряд ли у слушателей тех лет могло создаться такое впечатление. Наоборот, официальная позиция правительства (а «Голос Америки» — правительственная радиостанция) не поощряла никаких сепаратистских выступлений. В одну из командировок я была в Киеве в связи с приездом туда президента Джорджа Буша (старшего). Он прилетел из Москвы после встречи с Горбачевым. Так вот, я помню, какое возмущение вызвало у украинских националистов заявление президента США, что Украина не должна помышлять о выходе из состава СССР! Что касается Прибалтики, тут дело было сложнее — ведь западные державы никогда не признали насильственного присоединения Литвы, Латвии и Эстонии, явившегося результатом пакта Гитлера и Сталина, и последующего вторичного занятия их Советским Союзом после Второй мировой войны. Но даже по отношению к этим странам, куда там не начались открытые выступления за право на самоопределение, факт незаконного присоединения особенно не акцентировался. Однако если где-то в мире происходили демонстрации, направленные против существующих режимов, в том числе в СССР, то мы, как и СМИ других стран, естественно, об этом сообщали нашим слушателям. Разумеется, мы круглосуточно освещали августовские события 1991 года. Когда я вскоре после этого была откомандирована в Москву, над Кремлем уже развивался бело-сине-красный флаг. А вокруг Белого Дома еще не были убраны баррикады. На одной из них я прочитала надпись: «СПАСИБО ГОЛОСУ АМЕРИКИ ЗА ПРАВДИВУЮ ИНФОРМАЦИЮ».

Много внимания уделялось у нас правозащитному движению, выполнению обязательств, принятых на себя странами, подписавшими так называемые Хельсинкские соглашения. В частности, я сама освещала конференции и встречи Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе по проверке выполнения этих соглашений, происходившие в Мадриде, Будапеште и Вене. На всех этих конференциях, к великому неудовольствию советской делегации, Советский Союз подвергался с разных сторон критике за нарушения прав человека, преследование инакомыслящих, ущемление прав меньшинств и т.п.

— *О работе на «Свободе» есть яркие воспоминания. К примеру, Анатолия Гладилина «Меня убил скотина Пелл». А о «Голосе» есть книги?*

— Вышли две на английском языке. Одна из них написана Виктором Французовым, другая — одним из директоров радиостанции Аланом Хейлом. По-русски никто из моих коллег о «Голосе Америки» не писал. Покуда мы работали, был вечный цейтнот, задним числом об этом писать — потребовалось бы перебрать кучу материалов (если они вообще

где-то сохранились). Очень досадно, что не сохранились для потомства звукозаписи выступлений и интервью с голосами многих выдающихся людей. Из них почти все уже ушли в лучший мир. Не сохранилось это по причине той же занятости, а отчасти, и нашей недалековидности.

— За какие встречи Вы благодарны работе на знаменитой на весь мир радиостанции?

— Список таких людей очень длинный, но первое место в нем занимает память об Александре Львовне Толстой. Она была исключительным человеком по уму, дарованию, колоссальной энергии и отзывчивости. Основав в Америке «Толстовский фонд», она помогла многим тысячам русских беженцев.

Ну, а в личном плане, должна сказать, что я обязана «Голосу» своим вторым счастливым браком с моим теперешним мужем. Я познакомилась с Илаем Фламом в стенах этого учреждения вскоре после того, как он прибыл из Москвы, где исполнял должность пресс-атташе американского посольства.

— Людмила Сергеевна, чем Вы больше всего гордитесь в своей деятельности?

— По правде говоря, ничем не горжусь. Мне всегда кажется, что многое можно было сделать лучше, достигнуть большего. Это в первую очередь относится к моему участию в составе правления Фонда помощи сиротам-инвалидам в России, основанного супругами Pendill. Так я узнала о бедственном положении детей в домах для сирот, особенно тех, кто нуждается в сложных операциях и протезах, то, чем, по мере финансовых возможностей, занимался Pendill Fund, откуда были живы его основатели. Соприкоснувшись с этой проблемой, я глубоко сожалею о принятии закона, запрещающего американцам усыновлять русских детей, которые нуждаются не только в семье и ласке, но зачастую и в серьезной медицинской помощи. Сколь это важно, я знаю из собственного опыта: мои родители удочерили во время войны и вырастили девочку-сироту из Белоруссии, вызволенную из немецкого концлагеря. Ее история подробно описана в «Судьбах поколения».

— Каковы Ваши дальнейшие творческие планы?

— В настоящий момент я занята работой над книгой, которая относится к так называемому «ди-пийскому» периоду послевоенных лет в Германии и Австрии. Точнее, к возникшим там учебным заведениям и молодежным организациям, давшим людям моего поколения образование и некую «русскую зарядку» на дальнейшую жизнь.